

В главной комнате не было зажжено ламп, лишь на стенах висели несколько ночных жемчужин размером с грецкий орех. Хотя эти жемчужины излучали свет, он был далеко не таким ярким, как пламя свечи. Поэтому, когда Шэнь Чжэньжэнь вернулся с водой, он был до ужаса напуган бледным лицом красавицы, освещённым жемчужным светом, и чуть не выронил чайник из рук.

После некоторой суматохи Шэнь Чжэньжэнь наконец разжёг угольную печь и поставил на неё чайник с водой.

Оуян, желая поскорее уйти и не тратить больше времени на Шэнь Чжэньжэня, просто поднял руку и постучал по столу, привлекая внимание последнего, который пристально смотрел на чайник, ожидая, пока вода закипит.

— Давайте говорить прямо, — прямо сказал Оуян. — Я не интересуюсь мирской славой и богатством, и у меня нет намерений причинять вред стране и народу. Я остаюсь здесь только для того, чтобы завершить некоторые мирские связи с императором. Если возможно, я надеюсь, что вы не будете разглашать мои дела, чтобы избежать ненужных осложнений. В качестве благодарности я могу помочь вам в пределах своих возможностей...

— Хорошо! — Шэнь Чжэньжэнь без колебаний кивнул, настолько быстро, что Оуян даже немного опешил.

Оуян невольно заинтересовался и спросил:

— А что именно вы хотите, чтобы я сделал?

— Помогите мне найти учеников! — сразу ответил Шэнь Чжэньжэнь.

Оуян был поражён:

— Что?

После ещё одного утомительного общения Оуян наконец понял, что имел в виду Шэнь Чжэньжэнь.

Ученики, которых хотел Шэнь Чжэньжэнь, были не теми, у кого есть духовный корень и кто может следовать за ним в практике, а такими ремесленниками, как плотники и кузнецы. Он хотел передать искусство механизмов Течения Цяньцзи обычным людям, чтобы они могли передавать эти технологии дальше.

Оуян не мог не почувствовать восхищение: оказывается, в этом мире действительно есть бескорыстные люди.

Однако, несмотря на восхищение, Оуян не мог, как надеялся Шэнь Чжэньжэнь, стать посредником между ним и императором, чтобы связать их.

Оуян не хотел и не мог позволить Ци Юньхэну узнать, что он владеет магией.

Неизлечимая паранойя императора была лишь одной из причин, главное же заключалось в том, что Оуян не мог научить Ци Юньхэна магии и не мог сделать его таким же бессмертным, как он сам.

Бессмертие, пусть даже не вечное, а просто долголетие, для человека является соблазном,

превосходящим деньги и власть.

Если говорить о Ци Юньхэне, который уже обладал достаточным количеством денег и власти, то бессмертие было для него так же неотразимо, как для кошки рыба, для собаки мясо, а для Ультрамана — битва с монстрами.

Если бы Оуян раскрыл свои силы культиватора, но не смог бы поделиться ими с Ци Юньхэном, кто знает, не сварил бы Ци Юньхэн его, как мясо Тан Саньцзана?

В этом мире самое непредсказуемое — это человеческое сердце.

Хотя сейчас он и Ци Юньхэн были неразлучны, в момент, когда речь зайдёт о жизни и смерти, Оуян не был уверен, что пожертвует собой ради Ци Юньхэна, так как же он мог ожидать, что Ци Юньхэн откажется от надежды на жизнь ради него?

Когда приходится выбирать между собой и другим, лучше всего не допускать такого выбора!

Именно из-за этих опасений Оуян не дал прямого обещания, а вместо этого предложил другое решение — не привлекать внимания Ци Юньхэна, сначала Шэнь Чжэньжэнь должен систематизировать механизмы, которые можно передать обычным людям, записать их в книги, создать модели, а затем Оуян найдёт подходящих ремесленников, которые изучат и освоят их, и через этих ремесленников искусство механизмов будет распространяться и развиваться.

В этом варианте Шэнь Чжэньжэнь с самого начала не должен был появляться на публике, лишь иногда тайно наставляя отдельных ремесленников.

— Преимущество этого подхода в том, что даже если это заметят другие практикующие, это не заденет вас и не создаст вам трудностей. Однако в этом случае имя вашего течения не будет известно в мире... Хотя, это не совсем невозможно, — Оуян изменил тему. — Можете ли вы сообщить мне имя или духовное имя вашего учителя?

— Моего учителя звали Юй, его духовное имя — Моцзи, — сразу ответил Шэнь Чжэньжэнь.

Оуян подумал: «Вот почему ты такой медлительный!», но вслух сказал:

— Фамилия Юй слишком легко вызывает ассоциации. Можно ли использовать только иероглиф «Мо» как источник передачи?

— Хорошо, хорошо! — Шэнь Чжэньжэнь без возражений согласился.

Учитель Шэнь Чжэньжэня велел ему передать искусство механизмов Течения Цяньцзи, но не упоминал о славе, и Шэнь Чжэньжэнь также понимал, что пока существуют культиваторы, это дело лучше держать в секрете.

— Раз вы тоже считаете это возможным, давайте приступим к делу! — Оуян решил закончить разговор и уже собирался встать и попрощаться, как вдруг вспомнил ещё одну вещь. — Кстати, я знаю, что ваша фамилия Шэнь, но как вас правильно называть? Пожалуйста...

— Я Шэнь Чжэньжэнь, — сразу ответил Шэнь Чжэньжэнь.

Как только он произнёс это, он заметил странное выражение на лице Оуяна и поспешил объяснить:

— Моя фамилия Шэнь, имя Чжэньжэнь. Мои родители надеялись, что я достигну успехов в

практике, поэтому дали мне такое имя, но мне уже за сорок, и я ещё не заслужил имени Чжэньжэнь, так что прошу не смеяться.

Оуян усмехнулся про себя: «Оказывается, он ещё и потомственный культиватор». Он не стал смеяться над именем Шэнь Чжэньжэня, а вместо этого заинтересовался его возрастом.

Вскоре после своего возрождения, ещё до того, как он понял, что не может иметь потомства, Оуян заметил, что у него не растёт борода. Хотя он и не особенно любил её, но в обществе, где каждый мужчина должен иметь хотя бы немного растительности на лице, слишком гладкий подбородок вызывал неприятные ассоциации.

Но, увидев Шэнь Чжэньжэня, у которого тоже не было ни намёка на щетину, и сравнив его с его реальным возрастом, Оуян понял: настоящей причиной этого была практика, а не воскрешение.

Оуян тайно вздохнул с облегчением, встал и попрощался с Шэнь Чжэньжэнем.

Шэнь Чжэньжэнь чувствовал, что они хорошо пообщались, и был уверен, что они нашли общий язык, но не ожидал, что Оуян так быстро уйдёт. Ему хотелось задержать его, но он не знал, как это сделать, и с сожалением проводил его до двери.

Когда Оуян исчез в чаще леса, Шэнь Чжэньжэнь вдруг понял, почему в их секте многие мужчины-практикующие искали себе спутников жизни среди своих же.

На пути к бессмертию, если рядом есть такой высокоразвитый и прекрасный соратник, кому какая разница, мужчина он или женщина!

Шэнь Чжэньжэнь невольно коснулся своей груди, чувствуя, как его сердце, которое было спокойно десятилетиями, забило с новой силой в этот холодный зимний день.

Оуян не изучал чтение мыслей, поэтому, конечно, не знал о зарождающихся желаниях Шэнь Чжэньжэня.

После Праздника Фонарей в императорском дворе произошли два важных события. Первое — герцоги и маркизы должны были покинуть столицу и вернуться в свои армии, чтобы защищать границы для императора. Второе — император решил выбрать наставников для своих детей и приказал министрам рекомендовать подходящих кандидатов.

Но эти события не имели отношения к Оуяну.

Передав задачу найти учеников для Шэнь Чжэньжэня Су Су и проведя предварительный отбор персонала в императорском поместье, Оуян должен был столкнуться с другим вопросом: возвращением семьи Оу.

Возможно, из-за трудностей зимнего пути, семья Оу вернулась в столицу с большим опозданием, прибыв только днём 24 января.

С возвращением родителей Оу Цзин больше не могла оставаться в резиденции дяди и в тот же день собрала вещи, забрав с собой слуг, и переехала в другой дом семьи Оу — бывшую резиденцию графа Цинъяна, а ныне дом маркиза Чэньэня.

По обычаю Оуян должен был вызвать семью Оу во дворец или сам навестить их. Но он действительно не хотел видеть неприятные лица членов семьи, поэтому на следующий день

после их прибытия в столицу вызвал к себе в Летний дворец своего номинального старшего брата Оу Цяня для короткой встречи.

Оу Цянь тоже не был настроен на светскую беседу, кратко рассказал о текущих делах в семье и намекнул, что Оуян может не беспокоиться, он и его мать госпожа Чжао будут держать всё под контролем и больше не будут обременять Оуяна семейными делами.

Такое взаимное невмешательство было именно тем, чего хотел Оуян.

Он и его семья не могли полностью разорвать связи, и если бы это было возможно, Оуян не хотел бы применять силу против семьи. Но если бы кто-то из семьи Оу, как Оу Мо, продолжал создавать проблемы, Оуян не мог бы снова и снова проявлять снисходительность только из-за их фамилии.

Перед окончанием встречи Оуян вскользь спросил о замужестве Оу Цзин, желая узнать, какие планы есть у Оу Цяня.

<http://bllate.org/book/16203/1454583>